ГЛАВА II.

Апрометовы.

Ну, Александръ Ивановичъ, садись ты теперь, сударь мой, въ свой темнозеленый тарантасъ, сажай на козлы кучера Ванюшку и отчаяннаго пьяницу, но честнаго и расторопнаго слугу, Федьку, и—какъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ—съ Богомъ въ путь дороженьку! Смотри свою родную Русь, что дѣлали и дѣлаютъ на ней охотники.

Прежде всего прямо къ почтенному и уважаемому всѣми дворянами уѣзда, Владиміру Никитичу Апрометову, у котораго, правда, нѣтъ продажныхъ мертвыхъ душъ, но за то есть живыя, статистыя, нарядныя, старинной породы густопсовыя собаки.

Самъ Владиміръ Никитичъ — представитель тоже старинаго русскаго дворянскаго рода, человѣкъ, сохранившій въ себѣ всѣ лучшія черты, характеризовавшія прежняго барина: честность, гостепріимность, радушіе, доброту и сердечность. Состояніе у него было хорошее: онъ имѣлъ около двухъ тысячъ душъ крестьянъ по разнымъ губерніямъ, не исключая и черноземныхъ; въ одномъ изъ черноземныхъ его имѣній была довольно большая усадьба, но запущенная, такъ какъ тамъ никогда никто изъ Апрометовыхъ не жилъ, и досталась она дѣду Владиміра Никитича въ приданое за женой. Владиміръ же Никитичъ жилъ въ селѣ Медвѣдевѣ, которое находилось въ одной изъ великорусскихъ губерній, и при которомъ числилось, съ пустошами, до шести тысячъ десятинъ земли; большая часть земли находилась подъ лугами и пахатью, а около двухъ тысячъ—подъ лѣсомъ и зарослью.

ственные же дни, если позволяла погода, садъ иллюминовывался и зажигали фейерверкъ. Громадныя оранжереи и теплицы, по обыкновенію, вконецъ опустошались за это время. Вездѣ было движеніе, шумъ, говоръ, суета.

Но минуетъ іюль — и снова водворяется въ Медвѣдевѣ мирная, покойная, тихая жизнь, и снова дѣлитъ владѣлецъ Медвѣдева свое время и свои мысли съ неразлучнымъ Петромъ Петровичемъ Колпѣевымъ, приходившимъ даже часто пѣшкомъ изъ своей усадьбы Дымовки, отстоявшей отъ Медвѣдева менѣе чѣмъ въ трехъ верстахъ; снова начинается у Николая Андреевича день путешествіемъ на псарный дворъ, гдѣ въ тысячный разъ тщательно осматриваются однѣ и тѣ же собаки, разбираются щенки; затѣмъ идетъ выводка заводскихъ и охотничьихъ лошадей на бѣломъ дворѣ; послѣ того обѣдъ въ часъ пополудни, съ рюмкою старой мадеры; послѣ обѣда чашка кофе, полуторачасовой отдыхъ и наконецъ неизбѣжный пикетъ съ закадычнымъ другомъ.

Много лѣтъ провелъ Николай Андреевичъ такой правильной, мирной, тихой жизни, въ привольѣ и довольствѣ, но даже и такая жизнь не могла измѣнить законовъ природы, и на нашихъ задушевныхъ друзьяхъ охотникахъ легла печать неумолимаго всесокрушающаго времени: постарѣли они, посѣдѣли, поопустились, пообрюзгли; въ особенности обрюзгъ тучный Николай Андреевичъ. Марья Артемьевна тѣмъ временемъ умерла, а сынъ ея, Владиміръ Никитичъ, изъ мальчика превратился въ красиваго, стройнаго молодого человѣка, и состоялъ ужъ на службѣ въ чинѣ корнета.

На службѣ не посчастливилось однако и этому послѣднему представителю стариннаго рода Апрометовыхъ... Несмотря на просьбы товарищей полка, корнетъ Апрометовъ подалъ въ отставку, представя предварительно медицинское свидѣтельство о болѣзни и прямо полетѣлъ въ Медвѣдево, къ дядѣ, который въ то время собирался въ отъѣзжее поле.

Николай Андреевичъ бралъ поля около своей усадьбы только по возвращеніи изъ отъѣзжаго поля, говоря обыкновенно: „Свои зайчишки никогда не уйдутъ! Случится оттепель, а тамъ пойдутъ порошки, и мы съ тобой, Петръ Петровичъ, и травнемъ!“ Но если были выводки волковъ, то на нихъ онъ ѣздилъ, говоря: „что этотъ звѣрь дожидаться охотника не станетъ, и что его надо чикнуть не зѣвая!“ Чикали они только прибылыхъ, а на матерыхъ спускать было запрещено подъ тѣмъ предлогомъ, что материкъ можетъ испортить собаку. Но можетъ быть была тому и другая какая нибудь причина. Весною, по брызгамъ, Апрометовъ не охотился, считая это недостойнымъ ни

Поразсказавъ еще кое-что изъ своего прошлаго племяннику, Николай Андреевичъ затѣмъ простился съ нимъ и, отдавъ необходимыя на завтрашній день приказанія, по отношенію къ дѣлежу собакъ, легъ спать.

ГЛАВА III.

Дѣлежъ собакъ.

Николай Андреевичъ придавалъ особенное значеніе и важность предстоявшему акту дѣлежа собакъ, и еслибы ему приходилось дѣлить свое имѣніе, то послѣднее не настолько сильно заботило-бы его.

Когда мысль о раздѣлѣ, еще впервые пришла ему въ голову, то онъ уже распорядился заказать въ Москвѣ двѣ книги, въ роскошномъ красномъ сафьянномъ переплетѣ, съ золотыми виньетками и съ золотымъ же обрѣзомъ. Нѣсколько дней сряду, по утрамъ, приходили къ нему два конторскихъ писаря и, подъ его руководствомъ, составляли списки борзыхъ, раздѣляя ихъ по мастямъ и балламъ на двѣ части. Все это по нѣскольку разъ строго провѣрялось и переписывалось на бѣло.

Въ торжественный день, въ 8 часовъ утра, Владиміръ Никитичъ пришелъ къ дядѣ и засталъ его уже совсѣмъ одѣтымъ. Съ озабоченнымъ видомъ сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ; на столѣ передъ нимъ лежали двѣ толстыя книги in folio; одна изъ нихъ была потолще, въ кожаномъ досчатомъ переплетѣ, съ серебряными застежками, какія дѣлывались у многихъ старинныхъ священныхъ книгъ. Бумага этой книги была синевато-зеленаго цвѣта. На первомъ, такъ-называемомъ, заглавномъ листѣ, нарисована была акварелью, сверху страницы, виньетка, по одну сторону стоялъ верховой охотникъ съ борзыми, по другую—тоже верховой съ стаей гончихъ. По всѣмъ четыремъ угламъ и по бокамъ листа, изображены были волки, лисицы и русаки. Вся эта живопись исполнена была чрезвычайно грубо, очевидно какимъ-нибудь богомазомъ, имѣвшимъ весьма смутное представленіе о размѣрахъ и о тѣняхъ. Немного повыше средины листа, было выведено кудревато чернилами: „Книга“,—строкою ниже: „Охотнымъ собакамъ густопсовой породы“, — еще ниже: „Отставного секундъ-маіора и кавалера Андрея Афанасьева сына Апрометова“. Затѣмъ, строчки на три пониже: „по селу Медвѣди. 1771 года, маія въ первой день“.

На второмъ листѣ шла опись собакамъ густопсовой породы; оканчивалась она на одной изъ слѣдующихъ страницъ 162-мъ но-

меромъ, послѣ чего уже въ безпорядкѣ и безъ всякой системы ежегодно записывалось: время щененія сукъ, количество пометовъ и родословная производителей. Но съ 1807 года, съ 1-го января, начинались правильныя, погодныя описи всѣмъ погодовавшимъ собакамъ, съ обозначеніемъ роста, масти, дня рожденія; тутъ же была обозначена и убыль, съ отмѣтками, почему таковая убыль происходила. Собаки записывались по достоинствамъ: подъ № 1-мъ значилась собака самая статная, подъ послѣднимъ — самая плохая. Противъ каждой собаки, въ отдѣльныхъ графахъ, выставлены были, по двѣнадцати-балльной системѣ, баллы, которыми оцѣнивалась рѣзвость собаки, по генеральной садкѣ, устроивавшейся ежегодно, немедленно по возвращеніи изъ отъѣзжаго поля. Кромѣ того, надъ кличкою каждой собаки стояла цифра, указывавшая на которомъ листѣ книги записанъ день щененія суки, матери данной собаки, и родословная обоихъ производителей. Съ этого года книга велась уже рукою Николая Андреевича.

Вторая книга, потоньше, была тоже въ кожаномъ переплетѣ, но на заглавномъ листѣ ея не красовалось никакой виньетки, а просто было написано: „Книга гончихъ собакъ породы отставного секундъ-маіора и кавалера Андрея Афанасьева сына Апрометова, 1807 года, января 1-го дня. По селу Медвѣдеву“. Эта книга заключала въ себѣ погодныя описи каждой стаи, съ отмѣтками въ графахъ, по балльной же системѣ, голосовъ, паратости и нестомчивости. Никакой родословной не велось. Эту книгу велъ тоже самъ Николай Андреевичъ, по спискамъ, подававшимся доѣзжачими въ концѣ года.

— Вотъ, Володя, сказалъ старикъ при входѣ племянника, — книги готовы, сейчасъ принесутъ и списки, и все у насъ будетъ въ порядкѣ къ пріѣзду Петра Петровича. Безъ такихъ книгъ скорѣе можно обойтись на конскомъ дворѣ, чѣмъ на псарномъ. Это не то, что важно, а совсѣмъ необходимо, потому что безъ нихъ все собьется, все перепутается, перемѣшается и порода погибла! Тутъ видны всѣ крови, всѣ достоинства, а это самое главное, при выборѣ суки и кобеля. Когда предстоитъ вязать суку, то я ужъ и зову Петра Петровича за нѣсколько дней. Всю эту родословную переберемъ, обсудимъ и уже тогда рѣшимъ и выберемъ кобеля. При этомъ, другъ мой, нужно такъ много знаній, такъ много опытности, такъ много вниманія и наблюденій, что я одинъ, безъ Петра Петровича, никогда не рѣшаюсь этого дѣлать. Ну конечно и онъ въ своей породѣ также безъ меня не рѣшается. Вотъ поведешь породу, самъ узнаешь все это, — правда не вдругъ,—ну, да вдругъ

и невозможно! Одно только помни: никогда не слѣдуетъ полагаться на людишекъ, они ничего не смыслятъ! А вѣдь тутъ дѣло какое! Иной разъ кажется и всѣмъ взялъ кобель, а въ породу его пустить нельзя! Помни также, что суку никогда нельзя вязать на псарномъ дворѣ, гдѣ и вой, и лай, и визгъ; все это точно также безпокоитъ и собаку, какъ и человѣка, а тутъ именно нужно спокойствіе, тишина! Ты видалъ, какъ это у меня дѣлается?—всегда въ залѣ, двери затворены, шуму никакого и только одинъ я, да мой Терентьичъ. Болѣе двухъ разъ вязать не слѣдуетъ и, какъ только повяжутся, сейчасъ же смычекъ на обѣихъ,—это тоже необходимо. Ну да вѣдь и то сказать, пока мы съ Петромъ Петровичемъ живы — совѣтами тебя не оставимъ!

Такъ разсуждалъ Николай Андреевичъ и наставлялъ своего племянника, который изъ деликатности все это выслушивалъ съ полнымъ вниманіемъ.

Скоро пріѣхалъ и Петръ Петровичъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій и лобызаній, друзья усѣлись пить поданный имъ сюда же, въ кабинетъ, чай, и послали въ контору за балловыми списками собакъ. Затѣмъ позваны были стремянной, Тимофей Терентьичъ, и старшій доѣзжачій—Шолковъ, и вновь повторены имъ были необходимыя приказанія.

— Ну, прежде всего, голубчикъ мой, Петръ Петровичъ, ты мнѣ вотъ что скажи,—какъ будетъ лучше: приступая къ раздѣлу отслужить молебенъ, или ужъ какъ кончимъ?—Ты знаешь, я никакого серьезнаго дѣла не привыкъ начинать, не отслуживъ молебна...

— Это, Николай Андреевичъ, будетъ, я думаю, рѣшительно все равно.

— Видишь ли, Петръ Петровичъ,—начинъ дѣло великое, да и конецъ тоже не малое! Такъ какъ ты думаешь?

— Да я думаю, проще всего отслужить и при началѣ и по окончаніи.

— Вотъ и прекрасно, такъ мы и сдѣлаемъ.—Эй, Гриша!

На зовъ вошелъ старый камердинеръ, получившій приказаніе послать за батюшкой.

— Ну, а пока, Петръ Петровичъ, — обратился опять Николай Андреевичъ къ своему другу, подавая ему принесенные балловые списки собакъ, — взгляни-ка ты вотъ на это.—И онъ сталъ очень подробно объяснять своему слушателю, какъ онъ дѣлилъ собакъ, и какъ трудно было это, потому что приходилось при дѣленіе руководствоваться и сравнительными баллами собакъ, и мастью, и нужно было дѣлать это такъ, чтобъ собаки были раздѣлены совершенно

поровну, не только въ отношеніи общаго итога, но и въ отношеніи качествъ и достоинствъ собакъ.

Петръ Петровичъ просмотрѣлъ оба списка, сравнивая ихъ между собою, и вполнѣ ихъ одобрилъ.

— Теперь вотъ что, мой дорогой! — стаи намъ дѣлить нельзя, потому Шолкова я оставляю себѣ, какъ старика: я къ нему привыкъ и онъ ужъ знаетъ, что я люблю, и чего не люблю. Да и стая его къ нему привыкла. А Володѣ поступитъ Кубаревъ съ своей стаей.

— Что жъ, и это основательно!

— И еще есть къ тебѣ просьба! помоги намъ, родной, подѣлить щенятъ;—тутъ вѣдь ни балловъ, ничего нѣтъ, и твой опытъ много поможетъ намъ въ этомъ.

— Изволь! душевно радъ!

Стали вводить собакъ. Вводили ихъ по двѣ своры и подводили къ тріумвирату. Активныя роли конечно принадлежали двумъ старикамъ Владиміръ Никитичъ только иногда вставлялъ свое слово; въ похвалу какой-нибудь особенно поразившей его собаки, да и то не всегда впопадъ. Старики же хранили глубокое молчаніе и лишь переглядывались. Каждую подводимую свору разнимали; они осматривали внимательно каждую собаку въ отдѣльности, послѣ чего собакъ брали опять на своры и разводили на двѣ отдѣльныя группы, по обѣ стороны зала, а конторщики отмѣчали осмотрѣнныхъ собакъ по спискамъ.

Очень красиво выглядывали вымытыя, расчесанныя, выхоленныя собаки, изъ которыхъ, по окончаніи раздѣла, образовались двѣ большія группы, могущія потѣшить сердце и взоры любого псоваго охотника.

— И есть что подѣлить-то, Николай Андреевичъ! замѣтилъ Колпѣевъ.

— Ну, дорогой Петръ Петровичъ, теперь ты сдѣлай два билетика, и пусть Володя вынимаетъ самъ...

Племянникъ попробовалъ было протестовать противъ жребія, конечно изъ деликатности, а потому тотчасъ же смолкъ и вынувъ жребій, сталъ цѣловать сначала руку дяди, а потомъ пошло и взаимное цѣлованье.

— Вотъ, Петръ Петровичъ,—весело и смѣясь сказалъ дядя,—я и надулъ племянника-то! Ну-ка, Терентьичъ, приведи-ка моего фаворита, Хвалима!

Терентьичъ ввелъ статнаго, большого, сѣроухаго, страшно псо-

вистаго кобеля, бывшаго любимцемъ старика Апрометова и содержавшагося всегда въ домѣ.

— Вотъ и надулъ! продолжалъ смѣяться и шутить дядя; — за этого кобеля, Петръ Петровичъ, я всѣхъ его собакъ не возьму! Вотъ какъ старики-то этихъ юношей облапошиваютъ! А что, вѣдь сказать по правдѣ, Хвалимъ-то немногимъ чѣмъ уступитъ твоему бывшему Лихому? — Лихая собака! Такъ какъ на ножъ и подхватитъ русака!..

Рѣшено было сдѣлать небольшой антрактъ. Согласно приказанію, собакъ стали уводить. Конторщики подали Николаю Андреевичу списки, которые онъ собственноручно подписалъ и къ которымъ велѣлъ приложить свою гербовую печать, послѣ чего отправились завтракать, а затѣмъ снова приступлено было къ дѣлежу собакъ.

На этотъ разъ дѣлить приходилось щенковъ, которыхъ введено и принесено было до сорока штукъ. Всѣ они одинаково хорошо были извѣстны, какъ самому хозяину, такъ и Колпѣеву, потому что оба пріятеля постоянно проводили дообѣденное время, то на псарномъ дворѣ одного изъ нихъ, то другого. Щенятъ раздѣлили по жребію, внесли въ тѣ-же списки, снова скрѣпленные подписью и приложеніемъ печатей.

На поданныхъ спискахъ гончихъ тоже послѣдовала подпись и опять печать, точно въ Сан-Стефано, при заключеніи предварительнаго мира!..

Послѣ этого Николай Андреевичъ назначилъ и отдѣлилъ племяннику людей-охотниковъ. Отдано было приказаніе поднести охотникамъ зелена вина, называвшагося въ то время *пѣнным*ъ; господа же отправились въ столовую, гдѣ поданъ уже былъ обѣдъ. Принесено было шипучее и провозглашены поочередно тосты за всѣхъ трехъ собесѣдниковъ. Во время тоста за Владиміра Никитича, старый стремянной Николая Андреевича поднесъ старому барину на серебряномъ подносѣ оба списка собакъ, доставшихся молодому Апрометову. При этомъ старикъ дядя всталъ (что сдѣлали за нимъ и всѣ другіе), съ важностью и торжественностью принялъ эти списки, и передалъ ихъ племяннику. Новыя объятія и лобызанія закончили этотъ первый актъ раздѣла собакъ между Апрометовыми.

Вторымъ и послѣднимъ актомъ этого раздѣла былъ сверхкомплектный банкетъ въ Медвѣдевѣ, во время іюльскихъ праздниковъ слѣдующаго года. За зиму Владиміръ Никитичъ успѣлъ уже сшить для своей охоты новые парадные кафтаны, заказать посеребреные рога и ремонтировать заново всѣ охотничьи принадлежности. Обѣ

обширныя охоты, въ полномъ своемъ составѣ и блескѣ, въѣхали въ день праздника на большой бѣлый дворъ и выстроились по обѣ его стороны, а многочисленная публика любовалась на это эффектное зрѣлище съ широкаго балкона, съ массивными колоннами, тянувшагося во всю ширину параднаго зала. Послѣ смотра, тутъ же на дворѣ, данъ былъ, съ пѣснями и плясками, другой банкетъ для охотниковъ, съ участіемъ всей громадной дворни...

ГЛАВА IV.

Смерть Апрометова.

Недолго тѣшились соревнованіемъ въ охотѣ дядя съ племянникомъ. Бѣда, какъ это почти всегда бываетъ, явилась нежданно, негаданно...

На четвертый годъ, послѣ раздѣла охоты, Николай Андреевичъ поѣхалъ какъ-то по порошѣ за русаками, близъ своего Медвѣдева. Случилось такъ, что русакъ побѣжалъ черезъ небольшую рѣчку, принадлежавшую къ селу же Медвѣдеву. Николай Андреевичъ поскакалъ за звѣремъ, но тонкій еще ледъ не выдержалъ, и лошадь, вмѣстѣ съ сѣдокомъ, провалилась въ воду. Старикъ промокъ до нитки, простудился и заболѣлъ; у него развилась водяная.

Не взирая на уходъ и на всевозможные медикаменты, болѣзнь къ маю мѣсяцу приняла уже такіе размѣры, что бѣдный больной принужденъ былъ дни и ночи проводить сидя.

Обложенный съ трехъ сторонъ подушками, сидѣлъ онъ въ раскидномъ вольтеровскомъ креслѣ, причесанный и выбритый, несмотря на болѣзнь, его удручавшую. Тяжело было видѣть этого еще недавно бодраго и свѣжаго старика въ такомъ печальномъ, безпомощномъ положеніи! Однако, при всѣхъ своихъ физическихъ страданіяхъ, онъ сохранилъ бодрость духа и, казалось, спокойно ожидалъ роковой, неизбѣжной развязки. Когда-то дышавшее здоровымъ, красивое благородное лицо его, съ высокимъ лбомъ и длинными сѣдыми усами, было покрыто теперь болѣзненною блѣдностью, но на немъ нельзя было прочесть ни отчаянія, ни ужаса,—напротивъ, въ большихъ, все еще прекрасныхъ, голубыхъ глазахъ свѣтилось выраженіе лишь кроткой грусти и покорности волѣ Провидѣнія. Всегда глубоко вѣрующій и религіозный, всегда поэтъ въ душѣ—онъ остался вѣренъ себѣ до конца.

Медленно угасала его жизнь на глазахъ искренно любившихъ его людей. Вѣрный другъ его, Петръ Петровичъ Колпѣевъ, не отхо-